

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

М.В. Силантьева, А.В. Шестопал

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

Концептуальная модель антрополого-аксиологического подхода (в рамках философского компаративизма) исходит из ряда теоретико-методологических положений, предполагающих обращение к «горизонтальному» (синхронному) и «вертикальному» (диахронному) компаративному анализу различных культур с целью оптимизации их взаимодействия. Среди его основоположений:

- внимание к пространственно-временным представлениям, бытующим на уровне повседневного общения и интеллектуальной рефлексии культуры о самой себе;
- исследование моральных, религиозных и эстетических канонов и инноваций, имеющих место в конкретных социокультурных средах;
- изучение принятых в конкретном сообществе форматов межкультурного взаимодействия в различных сферах – от культурных обменов до экономических и политических процессов, предполагающее как освоение литературы по данному вопросу, так и дискуссии с представителями конкретных культур и сфер деятельности.

По существу, речь идёт о выявлении лингвокультурных и поведенческих структур, выражающих культурные формы, характерные для определенной страны и региона в современную эпоху, а также об их релевантном описании в режиме реального времени. Отдельная задача – уточнение тезауруса через осмысление дискурсивных практик, включающих «рефлексирующее словоупотребление» в «высоких» стилевых регистрах науки и философии, оказывающих не прямое, а косвенное воздействие на бытовое словоупотребление. Подобное уточнение связано с дальнейшей разработкой категориального аппарата, учитывающей наработку лингвистики, культурологии, когнитивных исследований в различных областях, и вместе с тем опирающееся на имманентное теоретическое развитие концептуальных положений философии как самостоятельной дисциплины.

Понятно, что поставленная задача может решаться всегда лишь в предварительном порядке: предложенные идеи нуждаются в корректировке и дополнении со стороны широкого круга специалистов, работающих в сфере межкультурной коммуникации, и постоянно требуют обновления за счёт пополнения новейшими исследовательскими данными.

Ключевые слова: Философия культуры, теория культуры, метод философской компаративистики, аксиолого-антропологический подход, межкультурная коммуникация, практические задачи исследования взаимодействия культур.

За последние годы в МГИМО получили дополнительный импульс развития и институализации такие направления, как философская антропология, философия культуры, история и теория культуры, религиоведение и социология религии, направленные на комплексное изучение процессов межкультурной коммуникации (что вполне понятно исходя из стоящих перед нашим вузом задач подготовки специалистов-международников). Все перечисленные выше профили объединяет, на наш взгляд, интерес к динамическим процессам, интегрируемым культурной спецификой конкретных общественных организмов.

Если говорить об институциональных формах более подробно, то следует выделить исследовательские группы, разрабатывающие те или иные проекты, ориентированные на изучение культурной специфики российских и зарубежных регионов с точки зрения образовательной, научной, правовой, экономической, социальной и политической среды. Но не только, ибо необходимо обратить внимание на учебно-научные структуры, связывающие результаты работы над подобными проектами непосредственно с учебным процессом (и дополняющие давно сложившиеся учебные формы, - такие, как лекции и семинары).

Так, в рамках РАМИ (Российской ассоциации международных исследований) в течение ряда лет на постоянной основе функционирует секция «Межкультурная коммуникация», получившая определенный резонанс среди студентов, магистрантов и аспирантов. Материалы этой секции (включая наиболее серьезные студенческие работы) публикуются как самой РАМИ, так и нашим журналом «Концепт: философия, религия, культура». На базе кафедры философии действует межкафедральный методсеминар аспирантов и преподавателей, позволяющий в форме открытой дискуссии обсудить те научные проблемы, над которыми работают его участники. По ряду «культурологически ориентированных» специальностей в МГИМО открыта аспиран-

тура, работает диссертационный совет по философии и культурологии; создан мощный банк инновационных курсов, рассчитанных на дальнейшее профессиональное становление специалистов-международников. Продолжают совершенствоваться учебные программы соответствующих дисциплин.

Основой для получения образования «третьей ступени» с квалификацией «учёный-исследователь» в данном случае может выступать как профильная философская или культурологическая магистратура (либо специалитет), так и любая другая социогуманитарная подготовка, дающая спектр сведений в области международных отношений, что особенно важно для научных перспектив и практической деятельности выпускников нашего вуза. Ряд прошедших в диссертационном совете по философским наукам и культурологии защит показал высокий теоретико-методологический уровень исследования представивших свои диссертационные сочинения аспирантов и соискателей, что подтверждено получением дипломов ВАК РФ.

В связи с развитием культурологического направления в среде учёных и педагогов, работающих на культурологической ниве, сформировался интеллектуальный «запрос» на более отчётливую артикуляцию некоторых теоретических положений, «центрирующих» исследовательскую оптику и уточняющих наиболее существенные положения, то есть те из них, что составляют фундамент концептуального оформления принятой в современном научном знании культурологической парадигмы. Следует особо отметить: ядром этой концептуализации является теория международных отношений, разработанная в трудах отечественных учёных - таких, как академик РАН А.В. Торкунов и другие выдающиеся представители научной школы МГИМО [31], [27], [8], [21], [1], [2], [32], [33] и др.

Вместе с тем, выделение философского - теоретического и методологического - звена в цепи исследования международных отношений сквозь призму культуры, присутствующее во многих

работах по проблемам международных отношений, выдвигает задачу создания более дисперсной картины возможных путей рефлексии происходящих здесь процессов с использованием категориального аппарата современной культурологии. Подхода, учитывающего специфику нашего вуза, его научных и учебных приоритетов, а также (что особенно важно) – прикладные возможности использования полученных результатов [30], [15].

Культура в самом точном философском понимании – это «способ осмысления мира», способность смыслополагания, «способность разворачивать смыслы» [29]. Однако эта способность не только роднит разные культуры, создавая условия для «перевода» в самом широком понимании этого слова. Именно этой способностью культуры как раз отличаются друг от друга [28], теряя друг для друга «прозрачность» и искажая «образ Другого» через наложение «других» смыслов на «свои» смыслы в процессе их адаптации к своему образу мыслей [24], [25].

Важно и то, что смысл как таковой не «висит в воздухе»: он интенционален, направлен на постижение вещей, а не только (и не сколько) своих мнений о них. «Глобальное понимание», таким образом, ограничивается глобальным недопониманием и может приводить (и нередко приводит) к полному непониманию. Возможность непонимания – условие, создающее «тягу» действительного, а не мнимого (и в этом смысле стереотипного), восприятия *Другого* в удобном для себя формате, не имеющем никакого отношения к воспринимаемому.

Задача практического плана, которую каждодневно предстоит решать специалистам-международникам – организовать «понимание» в максимально близком к действительности и в то же время максимально приемлемом для себя ключе. Отсюда – *внимание ко «второму уровню» разворачивания смысла – антропологическим и ценностным константам и переменным, составляющим основания межкультурной коммуника-*

ции, начиная с телесности в её функциональном этнокультурном выражении (еда, одежда, невербальная коммуникация как определённые ценности) и заканчивая традициями, обычаями и тем высоким пластом культуры повседневности, который отражён в произведениях художественной культуры. Не будет большой натяжкой утверждать, что спецификой философско-культурологического подхода, его отличием от других направлений научной деятельности МГИМО, является:

- углублённое исследование антропологических и ценностных оснований межкультурной коммуникации на материале «заряженной смыслом» повседневности [26];

- стремление рассмотреть через эту призму теоретико-методологическую рефлексию в области изучения культуры, с одной стороны, с другой – детальное изучение «данных» конкретных дисциплин (лингвистики, политологии, социологии, правоведения, экономики, регионоведения, психологии, коммуникативистики, религиоведения и др.), раскрывающих отдельные стороны изучения культур в динамическом ключе [36].

Это, в свою очередь, позволяет связать научные изыскания с решением актуальных практических проблем в сфере межкультурного взаимодействия, таких как:

- уточнение ценностных и антропологических условий диалога в переговорном процессе;

- культурологическое дополнение существующих описаний границ политкорректности;

- развитие навыков поддержания контактов, способствующих укреплению положительного образа России за рубежом и т.д.

Отдельные положения, формулируемые в ходе обобщений этого типа, позволяют совершенствовать *методическое сопровождение процесса преподавания иностранных языков*, а также способствуют поддержанию и развитию навыков аналитического мышления у студентов, магистрантов и аспиран-

тов, заинтересованных в изучении теоретико-методологических оснований научного знания. Интерактивный характер, свойственный современному уровню развития образования, заставляет предположить, что не только «обучаемые», но и «обучающие» - педагоги, вне зависимости от наличия у них учёной степени, являются контрагентами подобных практик.

Проще говоря, маститые учёные, оказываясь рядовыми участниками таких дискуссий, вынуждены поддерживать свою интеллектуальную форму в «гносеологически негомогенной» среде, где относительный дилетантизм отдельных участников по конкретным вопросам выступает в роли катализатора, стимулирующего большую корректность обоснований и внятность их донесения до аудитории. Аргумент «от авторитета» в данном случае не работает, что, несомненно, способствует поддержанию исследовательского азарта и вводит в процесс передачи знаний тот бродильный элемент «умной эмоциональности», без которого давно не обходятся «качественные» учёные – и «физики», и «лирики»...

Зачем философия культуры лингвисту? юристу? регионоведу, журналисту, политологу и экономисту? Зачем она управленцу? И вообще специалисту в области международных отношений? Что-бы ответить на эти вопросы, необходимо определиться: зачем вообще знать Другого? Особенно, если эти отношения в принципе асимметричны [7]?

Впрочем, «*Зачем знать Другого?*» – один из ключевых вопросов, соответствующих мировоззренческим основаниям концепции внешней политики любого государства, причем «идеальные проекции» особенностей смыслополагания здесь не менее важны, чем сведения последовательно прагматического и даже корыстного характера (будем реалистами: на сегодняшний день полностью от подобных установок несвободно ни одно государство, какую бы риторику оно не использовало).

Таким образом, обращение к такому аспекту теории международных отноше-

ний, как межкультурное взаимодействие, следует признать: «знание *Другого*» позволяет оптимизировать коммуникативные процессы в этой области, создавая перспективу взаимного уважения и поддержания разумных взаимовыгодных отношений. Данная позиция представлена, в частности, и в опубликованной 1 декабря 2016 г. (прежняя – февраль 2013 г.) «Концепции внешней политики РФ», которая предписывает:

- «дальнейшее продолжение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава ООН, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной контролирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения»;

- «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов»;

- развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнёрства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов;

- расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе;

- содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России» и т.д. [18].

Итак, не только знание, но также интерпретация и, возможно, понимание

Другого – необходимость, закреплённая руководящими документами, определяющими цели и задачи внешней политики нашей страны. В том числе, с точки зрения научных исследований, проводимых в этой области [14].

Трудности, с которыми в поиске ответов на все эти «зачем?»-вопросы встречается философия культуры, применённая к сфере международных отношений, можно назвать «ложными друзьями компаративиста» (по аналогии с «ложными друзьями переводчика» – фразеологизмами типа «кусать локти» или «показать Кузькину мать», перевод которых имеет весьма косвенное отношение к буквальному значению отдельных слов, входящих в эти словосочетания).

Говоря о «ложных друзьях компаративиста», стоит иметь в виду, что речь идет о фундаментальном антропологически заданном свойстве человеческого сознания, которое склонно, как выражался Платон, «подобное познавать подобным». Примером может служить описание эстетического переживания в инокультурной среде с точки зрения заведомо «сниженной» интерпретации: «не любят природу и пьют» (о японцах и русских); «не молятся, только тихо бубнят, сидя в своём храме» (о буддистах) и т.п. Подобные утверждения, по всей видимости, отражают феномен латентного вытеснения научного мировоззрения обыденным сознанием с последующей экстраполяцией оценок. Аксиология с этой точки зрения выступает уже не как определённый пласт культуры, раскрывающий антропологические константы, но как бэконовский «идол рода» (то есть антропологически заданная ограниченность познания), преодолеть который можно лишь при условии системной рефлексии над самим фактом его наличия и возможными методологическими следствиями из этого факта.

Не менее показательны ситуации, когда интерпретация философских высказываний упирается в «естественную лингвокультурную ограниченность» («идолы рынка»). Пример – история с изучением отношения к И. Канту в рус-

ской философской традиции (где кёнигсбергскому мыслителю нередко инкриминируется ответственность за разрыв связи человека с Богом [6]). Почти анекдотический случай. Немецкий профессор комментирует сцену из литературного произведения, где герои плывут по затопленному наводнением окутанному туманом Петербургу. Рядом с ними в лодке лежит маленькая коробочка, из которой время от времени неожиданно «выскакивает маленький Кант» на пружинках и кричит: «Категорический императив!». Немецкий профессор недоумевает: «Почему маленький? Почему коробочка? И, наконец, почему кричит: «Категорический императив!»?!». Очевидная для русского читателя аллюзия на «выскакивает, как черт из табакерки» в инокультурном контексте восприятия не считывается. Упрёк в «отсутствии рационального взгляда» на философию Канта не более чем «недопонимание»: рационального в этом нетривиально едком образе не меньше, чем в небольшом трактате. Просто – другой язык сразу в двух смыслах: в смысле лингвокультурном, и в смысле насыщенности метафорами. Но философия не сводится к трактатности.

Ещё сложнее случай, когда научность как таковая приравнивается к позитивистскому мировоззрению, а место фальсификационизма занимает жесткий вариант верификационизма. Философия вместо того, чтобы «выбивать» сознание из привычной колеи «всезнания» и стереотипного «понимания», используется как тот или иной вариант апологетики. Теряя при этом знание ограниченности «своих» понятий «высокорефлексивного» уровня, абсолютизируя и «замораживая» их. Хороший пример крайности «избыточного «онаучивания»» представляет собой явление, обозначенное лингвистическим термином «занятость понятия», – запрет в контексте грамотного научного рассуждения использовать понятия в расширительном ключе, то есть фактически запрет на метафору. С одной стороны, таким образом достигается строгость словоупотребления. Однако стоит напомнить: идеалом науч-

ности выступает не терминологизация как таковая, то есть превращение понятия в термин со строго определённым набором значений, а познание истины. Плохо или хорошо, но аналогия лежит в основе познания не только потому, что на Солнце истины *сразу* «нельзя смотреть прямо» (Платон, Государство, VII, 515 e – 516 b). Но и потому, что любое понятие в определённом смысле – метафора, устанавливающая соответствие мыслимого, а также его фонетического и графического выражения, – некоторому процессу или явлению, выходящему за рамки сугубо лингвистической стихии...

Итак, антропологизация, касающаяся лингвокультурологических парадоксов познания, упирается в проблему *Другого* в компаративном понимании двойственности перспектив его познания. Именно *лингвострановедческий аспект* развития антрополого-аксиологического подхода представляется одним из самых значимых направлений включения философии в решение конкретных теоретико-методологических и прикладных исследовательских задач [9].

Очевидно, что темы, изучаемые на разных стадиях освоения языка, – это фактически систематизация сведений о культуре того или иного региона, охватываемого конкретным языком/языками [3], [4], [5]. Иллюстрацией роли философской компаративистики в решении конкретных научных задач здесь может служить тема совершенствования структуры идеографических/семантических/тезаурусных словарей, (систематизирующих языковые единицы не по алфавиту, а по смыслу). Тезаурусные (тезаурус – «запас», «сокровище») словари позволяют тематизировать лексические единицы, соединив их по *лингвострановедческому* (точнее, *лингвокультурному*) основанию.

Со времён Амара-коша и П.-М. Роже эти «словари-тезаурусы» [11] позволяют систематизировать живую лексику в ее «реальном» действии. Современные работы в данном направлении, как известно, серьёзно продвинулись вперёд (в том числе, и под воздействием семиоти-

ческого подхода, опирающегося на идею *текста*, а не только на лексикографию как таковую [12], [10]. Тем не менее, некоторая антропологически заданная «смутность» неизбежно проявляется в неотрефлектированных обобщениях того богатейшего эмпирического материала, который всё полнее охватывают подобные издания. Уместно предполагать, что нуждается в дополнительной аргументации принцип выделения разделов таких словарей, как:

- словаря Ю.Н. Караулова [17], где выделено 1600 тем-понятий и около 10000 лексических единиц;

- словаря под редакцией Л.Г. Бабенко [23], описавшего более 46600 слов, 16 семантических сфер, 86 семантических классов, 267 идеографических групп, 187 подгрупп;

- четырёхтомного «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [22], где абстрактная лексика 3-го тома («бытие», «пространство», «время», «состояний природы и человека») фактически противопоставляются конкретной лексике 2-го тома («всё созданное руками человека», «названиям предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению»).

Подобное деление показало свою прагматическую корректность, однако «за» ним стоит совершенно определённая картина мира. И она другая, чем, например, у того же В.Я. Брюсова или М. Цветаевой, оказавших немалое влияние на реальное семантическое наполнение современного русского языка. Вопрос, таким образом, не в степени научности такой картины мира, а в наличии рефлексии над ролью мировоззрения учёного в научном исследовании. И в целом – ролью культурного базиса в лингвистическом «членении» мира для познающего и действующего субъекта.

В лингвистике вопрос, почему «семиосфер»-«семсетов» (слов, объединяющих по смыслу синонимы-антонимы-гиперонимы-омонимы и др.) должно быть именно «столько» – например, 1500; а, скажем, супер-гиперонимов – «категорий», «укрупняющих» и систематизиру-

ющих семантические поля, должно быть 10, 16, а не, скажем, 12, остаётся, как правило, открытым. Лингвокультурология призвана восполнить, насколько возможно, этот пробел. Можно, конечно, допустить, что эмпирический материал в данном случае диктует «именно такое, а не какое-то другое», «разложение по полочкам». Однако и в этом случае уместно прояснить источник подобной систематизации, нередко «привязанной» к тем научным представлениям авторов, которые компаративно не соотносены с иными (в том числе, альтернативными) подходами.

Антропологическую и культурологическую составляющие данной темы интересно раскрывает сравнительная лингвистика [16]. В то же время лингвистическая систематизация в данном случае вполне может претендовать на поддержку не только математики (и не только теории множеств), но также психологии и культурной антропологии (архетипы). А ещё – *философии*, своим путём выделяющей категории и по-своему работающей с ними.

Стоит подчеркнуть, что тезаурусные словари (или даже микро-словари) – как раз тот способ изучения пластов языка, который сегодня очень востребован в практике межкультурной коммуникации. По сложившейся учебной традиции считается уместным начинать знакомство с освоения формул вежливости (приветствие, обращение и т.д.). И если это так, то такие темы, как «время», пространственные представления (часто упакованные в систему предлогов или падежей) и модальности, фокусирующие пространственно-временные представления в субъективно-значимую форму поведения, – более поздний и не менее ценный аспект изучения лексики и грамматики. Параллельно идёт, как правило, освоение *ценностных представлений, обличенных в моральные, эстетические и религиозные суждения и рефлексии* о них в самой изучаемой культуре и её «отражениях» в других культурах.

Подобные философские принципы, как правило, выводятся самими препода-

вателями независимо от наличия у них учёной степени – просто потому, что им приходится постоянно систематизировать богатейший материал, делать его доступным для восприятия (в том числе, восприятия представителями разных народов и культур – в МГИМО обучаются не только носители русского языка). Фактически преподаватели иностранных языков «сидят на материале», который им приходится «форматировать» в чёткую систему внятных обобщений. Иногда – изобретая велосипед. Правда, с поправкой на то, что философское «изобретение велосипеда» – необходимая часть философствования. Как говорил Гегель, философия «пишет серым по серому»: её дело – корректно описать очевидное, «то, что есть», – истину, а не «придумывать что-то своё». С этой точки зрения любое качественно сделанное методическое пособие по преподаванию языка, как, впрочем, и переводы оригинальных текстов с иностранных языков, – ценные научные исследования, нуждающиеся для «перевода» в жанр диссертации «лишь» в ряде жанровых дополнений. Включая, прежде всего, методологическую рефлексию. И здесь роль антрополого-аксиологического подхода философии культуры трудно переоценить.

В заключении необходимо кратко описать, решению каких задач может способствовать сотрудничество лингвокультурологии и философии культуры в практической области:

1. Прежде всего, имеет смысл продолжить изучение *«пространственно-временных развёрток»*, соответствующих, по меткому определению О. Шпенглера, различным типам мышления, имеющим культурно детерминированную природу. Отсюда – значение единства лингвокультурологии и философии культуры в расшифровке «культурных кодов» с целью уточнения понимания культурных форм как «единства гетерогенного»;

2. Необходимо дальнейшее уточнение на конкретном материале способов координации *общего, особенного и единичного*, связывающих единичного человека с общечеловеческими ценностями

через культуру и язык разнообразными, иногда действительно «непереводимыми» способами, дополняющими научное знание пониманием разнообразия возможных «культурных констант» [28];

3. Важно продолжить изучение соотношения *необходимости, свободы и случайности* в различных лингвокультурных контекстах. Помимо сугубо теоретического интереса, подобные уточнения помогут скорректировать коммуникативные ожидания в области поведения партнёров по конкретным областям межкультурного взаимодействия;

4. Определённой новизной антрополого-аксиологический подход обладает по отношению к *проблеме аналогии*, открывающей (и одновременно закрывающей) горизонт взаимопонимания межкультурного общения. Тезис о несоизмеримости культур натывается здесь на тенденцию их унификации. Вместе с тем, сама возможность перевода говорит о том, что в глубинах разногласия интерпретаций всё-таки живёт вектор, направленный к взаимному пониманию;

5. Вопрос *о личности и обществе* – один из самых ключевых не только при решении задачи обеспечения максимально возможного взаимопонимания. Это – один из наиболее «практических» вопросов. Выступает ли культура в современном мире как сообщество, колония «подобных», «индивидуумов», – или же она – соборное множество «неподобных» (о чём, кстати, вопреки распространённому мнению, Аристотель, кажется, никогда не говорил)? Вопрос не только абстрактный: из различия в понимании «человека» и «общества» следуют разные модели взаимодействия на уровне экономики, политики, права и т.д.;

6. Отдельная тема – *метафизика власти*, заострённая сегодня на парадоксы «мягкой силы» и теории «культурной революции». «Животная» и «растительная» «души» политических организмов, ориентированные в полисогенезе на решение проблем выживания и воспроизводства, как никогда нуждаются во взаимодействии с «разумной душой» каждого

из локальных культурных типов. Возможности и границы их взаимодействия – один из насущных вопросов современно-го цивилизационного состояния;

7. Описание культуры в качестве *интегрированного целого* на основе единства языковых, политических, экономических, исторических и других системообразующих векторов социального движения может составить условие для создания максимально реалистических прогнозов в области межкультурной коммуникации.

Один из наиболее интересных и, полагаем, перспективных выводов в данной области состоит в своеобразном «золотом правиле» культурной политики: «Соблюдай дистанцию!» То есть – уважай другого в той мере, в какой это максимально возможно без потери уважения к себе. *Дистанция* как условие общения – вот вывод, который поддерживает философская компаративистика, когда говорит, с одной стороны, о ценностях (и, соответственно, об их историкокультурном разнообразии), – а с другой – когда стремится выделить антропологически заданные и теоретически корректируемые смыслы («перерастающие» как ценности, так и саму антропологию [19], [20, с. 247]).

Таким образом, отечественная философская компаративистика замыкается на поиске рабочих основ интерпретации культурных символов, где сходятся в плодотворном научном противоречии *социальная антропология* (Европа: «общество» – шире «культуры», культура – его функция) и *культурантропология* (Америка: «культура» – шире, чем «общество», как полагает Клиффорд Гирц, видящий суть анализа культуры в «угадывании значений, в оценивании догадок и выведении поясняющих заключений из наиболее удачных догадок, а не в открытии Континента Смысла и картографировании его бестелесного ландшафта» [13, с. 27]).

Трудно переоценить значение подобного «картографирования» для углубления понимания происходящих процессов, их более точной оценки, использования

полученных знаний как в научном, так и в практическом ключе. Междисциплинарный характер исследований в области межкультурной коммуникации очевиден. Поэтому обмен мнениями, анализ идей и подходов, который имеет место между представителями разных «науч-

ных экранов», - занятие, с нашей точки зрения, весьма плодотворное. Рискуем предположить, что этот путь предполагает участие философии – в качестве модулятора вопросов, а не поставщика готовых ответов.

Список литературы:

1. Алексеева Т.А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений / Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. Главные редакторы: Т.А. Сенюшкина, А.В. Баранов. 2016. С. 5-21.
2. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 29-43.
3. Афанасьева Н.Д. Русский язык в странах ближнего и дальнего зарубежья на современном этапе / Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе. Материалы Третьей международной научно-методической конференции. Составитель: М.В. Беляков. 2014. С. 9-16.
4. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Особенности методической работы преподавателя РКИ с лексикой текстов средств массовой информации / Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка иностранцами. Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2014. С. 13-22.
5. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции у студентов-международников / Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе в условиях интернационализации образования. Материалы II Международного семинара, посвященного 15-летию академического сотрудничества Тверского государственного университета с университетами Финляндии. Тверь, 2015. С. 305-310.
6. Ахутин А.В. София и черт. (Кант перед лицом русской религиозной метафизики). URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1311> (дата обращения 02.01.2017).
7. Братина Б.Р., Кнежевич В.Д. Коммуникация как доминирование // Современная коммуникативистика. № 4, 2016. С. 56-70.
8. Булатов Ю.А. Центробежные и центростремительные тенденции в развитии многонационального государства // Международная жизнь. 2015. № 1. С. 49-64.
9. Веденина Л.Г. Концепт «человек» в языковых картинах мира / Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению. Сборник статей в 2-х частях. Ответственный редактор: Л.Г. Веденина. 2007. С. 146-256.
10. Гиндин С.И. О культурных корнях корпусной лингвистики и ее возможных импликациях для теоретического и прикладного языковедения / Корпусная лингвистика - 2015 Труды международной конференции. Отв. Ред.: В.П. Захаров, О.А. Митрофанова, М.В. Хохлова. 2015. С. 170-180.
11. Гиндин С.И. Семантические словари — карты языкового мира // Русский язык. №5, 2001. URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200100501> (дата обращения 07.12.2016).
12. Гиндин С.И. Язык, культура, общество и программы по компаративистике (Рец. на кн.: Язык, культура и общество: Сб. науч. ст. и учебно-методич. материалов / РГГУ, Ин-т лингвистики, Ин-т восточных культур, Центр компаративистики; Сост. О.Б. Христофорова, А.В. Дыбо. М.: РГГУ, 2001. 428 с.] // Московский лингвистический журнал / Рос. гос. гуманитарный ун-т. - Т. 6, № 1. - С. 231-233.
13. Гирц К. Интерпретация культур. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 560 с.
14. Глаголев В.С. Нематериальные факторы в международных отношениях / Современная наука о международных отношениях за рубежом Под общей редакцией И.С. Иванова. Москва, 2015. С. 10-18.
15. Глаголев В.С. Стратегия непрерывного образования в российских вузах: подводные камни / Актуальные проблемы модернизации высшей школы Материалы Международной научно-

- методической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения, НТИ - филиал МГУДТ. 2014. С. 27-32.
16. Иванка Я. Атанасова (Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария), Светлин И. Наков (Софийский университет имени Святого Климента Охридского, София, Болгария), Преслав И. Наков (Калифорнийский университет, Беркли, США). Artssemnet: двуязычная семантическая сеть для русской и болгарской терминологий изобразительного искусства. URL: <http://www.nakov.com/wp-content/uploads/2010/09/ArtsSemNet-BulMET-2003-Varna.html> (дата обращения 07.12.2016).
 17. Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Русский семантический словарь: Опыт автомат. построения тезауруса: от понятия к слову / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1983. 566 с.
 18. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 07.01.2017).
 19. Мунтян М.А. Национальный человеческий капитал и будущее России // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 147-149.
 20. Мунтян М.А. Потенциал политической культуры в объяснении культурного полилога Запада, Востока и России // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 245-249.
 21. Подберезкин А.И., Гебеков М.П. Роль национального человеческого капитала в период "фазового перехода" человечества. М.: МГИМО-Университет, 2012. Сер. Научная школа МГИМО(У). – 374 с.
 22. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т.Т. 1-4. М.: Азбуковник, РАН ИРЯ, 1998-2007.
 23. Словарь-тезаурис синонимов русской речи. / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко Москва: Издательство АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007; 512 с.
 24. Силантьева М.В. "Другой" в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов // Ricerche slavistiche. 2015. № 13 (59). С. 153-170.
 25. Силантьева М.В. Проблема "культурных границ" в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 235-239.
 26. Силантьева М.В., Шестопа А.В. Межкультурная коммуникация. "Мягкая сила" культурных модуляторов / Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста Материалы VII Конвента РАМИ. 2012. С. 204-211.
 27. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.
 28. Смирнов А.В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 5-24.
 29. Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 35-57.
 30. Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 7-11.
 31. Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2. М.: Аспект Пресс, 2015. - 552 с.
 32. Чугров С.В. Взаимные образы России и Японии. Надежды на мягкую силу // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 75-81.
 33. Чугров С.В. Существует ли незападная политология? (политическая теория Т. Иноуги) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182-191.
 34. Шестопа А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов / Межкультурная коммуникация: современная теория и практика Материалы VII Конвента РАМИ: Научное издание. Под редакцией А.В. Шестопа, М.В. Силантьевой; ответственный редактор А.В. Мальгин. 2013. С. 10-16.

Об авторах:

Шестопа Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО МИД России;

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России.

COMMUNICATION ANTHROPOLOGICAL AND VALUE BASICS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

M.V. Silantieva, A.V. Shestopal

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76

Abstract. *The rapid development of social and humanitarian fields in modern times and the emergence of a large number of practically important areas in which the commitment to interdisciplinary approach is justified set the task to rethink the amount of theoretical conclusions that enable us to determine promising areas and boundaries of such cooperation.*

Conceptual model of anthropological and axiological approach (in the framework of philosophical comparativism) comes from a number of theoretical and methodological assumptions, suggesting to perform diverse cultures' "horizontal" (synchronous) and "vertical" (diachronic) comparative analysis aimed to optimize their interaction. Among its basic foundations are: first, attention to the spatial and temporal concepts at the level of everyday communication and culture's intellectual reflection on itself; secondly, the study of the moral, religious, and aesthetic canons and innovation, specific to certain socio-cultural environment; thirdly, the research of formats of intercultural interaction within targeted community in various spheres - from cultural exchanges to economic and political processes, expecting literature searches on the subject, as well as discussions with representatives of particular cultures and activities.

Essentially, it refers to identifying linguocultural and behavioral patterns that express cultural forms typical for a particular country and region in the modern era; as well as to their relevant disclosures in real time. A separate task is to clarify the thesaurus through the understanding of discursive practices, including "reflexive use of the word" in "high" stylistic registers of science and philosophy that have an indirect impact on its everyday usage. This update is related to further development of categorical apparatus, taking into account the achievements of linguistics, cultural research, cognitive studies in various fields, and at the same time based on the immanent theoretical development of the conceptual frameworks of philosophy as a self-contained discipline.

It is clear that the task suppose just provisional conclusion: proposed ideas need to be adjusted and enhanced by a wide range of professionals working in the field of intercultural communication, and should be constantly updated due to the the replenishment of the latest research data.

Key words: philosophy of culture, culture theory, the method of comparative philosophy, axiological and anthropological approach, intercultural communication, practical objectives of the study of cultural interaction.

References:

1. Alekseeva T.A. "Mjagkaja sila" v teorii i praktike mezhdunarodnyh otnoshenij / Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremja: identichnost' i povsednevnost' v strukture zhiznennogo mira. ["Soft power" in the theory and practice of international relations / political space and social time: the identity and structure of daily life in the world.] Glavnye redaktory: T.A. Senjushkina, A.V. Baranov. 2016. S. 5-21.
2. Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. Chto proishodit s teoriej mezhdunarodnyh otnoshenij [What happens to the theory of international relations] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2016. № 1. S. 29-43.
3. Afanas'eva N.D. Russkij jazyk v stranah blizhnego i dal'nego zarubezh'ja na sovremennom jetape [Russian language in the country and abroad at this stage] / Aktual'nye problemy prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo v vuze Materialy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Sostavitel': M.V. Beljakov. 2014. S. 9-16.
4. Afanas'eva N.D., Zaharchenko S.S., Mogileva I.B. Osobennosti metodicheskoj raboty prepodavatelja RKI s leksikoj tekstov sredstv massovoj informacii / Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur pri izuchenii

- russkogo jazyka inostrancami. [Features of the methodical work of RKI teacher with the media vocabulary] Aktual'nye problemy izuchenija i prepodavanija RKI v vuze materialy III Mezhhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2014. S. 13-22.
5. Afanas'eva N.D., Zaharchenko S.S., Mogileva I.B. Formirovanie mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii u studentov-mezhdunarodnikov [Formation of the intercultural communicative competence of students of international studies] / Aktual'nye problemy izuchenija i prepodavanija RKI v vuze v uslovijah internacionalizacii obrazovanija. Materialy II Mezhhdunarodnogo seminar, posvjashhennogo 15-letiju akademicheskogo sotrudnichestva Tverskogo gosudarstvennogo universiteta s universitetami Finljandii. Tver', 2015. S. 305-310.
 6. Ahutin A.V. Sofija i chert. (Kant pered licom russkoj religioznoj metafiziki). [Akhutina Sofia and features. (Kant, in the face of Russian religious metaphysics)] URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1311???> (data obrashhenija 02.01.2017).
 7. Bratina B.R., Knezhevich V.D. Kommunikacija kak dominirovanie [Communication as dominance] // Sovremennaja kommunikativistika. № 4, 2016. S. 56-70.
 8. Bulatov Ju.A. Centrobezhnye i centrostremitel'nye tendencii v razvitii mnogonacional'nogo gosudartsva [Centrifugal and centripetal tendencies in the development of multinational state] // Mezhhdunarodnaja zhizn'. 2015. № 1. S. 49-64.
 9. Vedenina L.G. Koncept «chelovek» v jazykovyh kartinah mira [The concept of "person" in the linguistic world] / Lingvostranovedenie: metody analiza, tehnologija obuchenija. Chetvertyj mezhvuzovskij seminar po lingvostranovedeniju. Sbornik statej v 2-h chastjah. Otvetstvennyj redaktor: L.G. Vedenina. 2007. S. 146-256.
 10. Gindin S.I. O kul'turnyh kornjah korpusnoj lingvistiki i ee vozmozhnyh implikacij dlja teoreticheskogo i prikladnogo jazykovedenija [On the cultural roots of the corpus linguistics and its potential for the implications of theoretical and applied linguistics] / Korpusnaja lingvistika - 2015 Trudy mezhhdunarodnoj konferencii. Otv. Red.: V.P. Zaharov, O.A. Mitrofanova, M.V. Hohlova. 2015. S. 170-180.
 11. Gindin S.I. Semanticheskie slovari — karty jazykovogo mira [Semantic dictionaries - language world map] // Russkij jazyk. №5, 2001. URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200100501> (data obrashhenija 07.12.2016).
 12. Gindin S.I. Jazyk, kul'tura, obshhestvo i programmy po komparativistike [Language, culture, society and comparative programs] Rev. Jazyk, kul'tura i obshhestvo: Sb. nauch. st. i uchebno-metodich. materialov / RGGU, In-t lingvistiki, In-t vostocnyh kul'tur, Centr komparativistiki; Sost. O.B. Hristoforova, A.V. Dybo. M.: RGGU, 2001. 428 s.] // Moskovskij lingvisticheskij zhurnal / Ros. gos. gumanitarnyj un-t. - T. 6, № 1. - S. 231-233.
 13. Geertz C. Interpretacija kul'tur. [Interpretation of Cultures] - M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2004. - 560 s.
 14. Glagolev V.S. Nematerial'nye faktory v mezhhdunarodnyh otnoshenijah [Intangible factors in international relations] / Sovremennaja nauka o mezhhdunarodnyh otnoshenijah za rubezhom Pod obshhej redakciej I.S. Ivanova. Moskva, 2015. S. 10-18.
 15. Glagolev V.S. Strategija nepreryvnogo obrazovanija v rossijskikh vuzah: podvodnye kamni [Strategy of continual education in Russian universities: pitfalls] / Aktual'nye problemy modernizacii vysshej shkoly Materialy Mezhhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Sibirskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, NTI - filial MGUDT. 2014. S. 27-32.
 16. Ivanka Ja. Atanasova (Velikotyrnovskij universitet imeni Svjatyh Kirilla i Mefodija, Veliko-Tyrnovo, Bolgarija), Svetlin I. Nakov (Sofijskij universitet imeni Svjatogo Klimenta Ohridskogo, Sofija, Bolgarija), Preslav I. Nakov (Kalifornijskij universitet, Berkli, SShA). Artssemnet: dvujazychnaja semanticheskaja set' dlja russkoj i bolgarskoj terminologij izobrazitel'nogo iskusstva. [Artssemnet: bilingual semantic network for Russian and Bulgarian terminology of art.] URL: <http://www.nakov.com/wp-content/uploads/2010/09/ArtsSemNet-BulMET-2003-Varna.html> (data obrashhenija 07.12.2016).
 17. Karaulov Ju.N., Molchanov V.I., Afanas'ev V.A., Mihalev N.V. Russkij semanticheskij slovar': Opyt avtomat. postroenija tezaurusa: ot ponjatija k slovu [Russian Semantic Dictionary: Experience Machine. construction of the thesaurus from the concept to the word] / Otv. red. S.G.Barhudarov. M.: Nauka, 1983. 566 s.
 18. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 nojabrja 2016 g.) [Concept of Foreign Policy of Russian Federation (approved by the Russian Federation President Vladimir Putin November 30, 2016)] / Oficial'nyj sajt MID RF. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashhenija 07.01.2017).
 19. Muntjan M.A. Nacional'nyj chelovecheskij kapital i budushhee Rossii [The National Human Capital and the Future of Russia] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 3 (30). S. 147-149.

20. Muntjan M.A. Potencial politicheskoj kul'tury v ob#jasnenii kul'turnogo poliloga Zapada, Vostoka i Rossii [Potential political culture in explaining the cultural polylogue of West, East and Russia] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 245-249.
21. Podberezkin A.I., Gebekov M.P. Rol' nacional'nogo chelovecheskogo kapitala v period "fazovogo perehoda" chelovechestva. [The role of national human capital during the "phase transition" of humanity.] M.: MGIMO-Universitet, 2012. Ser. Nauchnaja shkola MGIMO(U). – 374 s.
22. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovij slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized on classes of words and meanings] / In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN. Pod obshh. red. N. Ju. Shvedovoj. T.T. 1-4. M.: Azbukovnik, RAN IRJa, 1998-2007.
23. Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi. [The thesaurus of synonyms of Russian language] / Pod obshh. red. prof. L. G. Babenko Moskva: Izdatel'stvo AST-PRESS KNIGA, 2007; 512 c.
24. Silant'eva M.V. "Drugoj" v gorizonte svobody (popytka dialoga skvoz' tuskloe steklo stereotipov ["Other" in the horizon of freedom (an attempt of dialogue through a glass of stereotypes)] // Recherche slavistiche. 2015. № 13 (59). S. 153-170.
25. Silant'eva M.V. Problema "kul'turnyh granic" v sovremennom mire: cennostnyj aspekt [The problem of "cultural borders" in the modern world: the value aspect] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 235-239.
26. Silant'eva M.V., Shestopal A.V. Mezhkul'turnaja komunikacija. "Mjagkaja sila" kul'turnyh moduljatorov [Intercultural communication. "Soft power" of cultural modulators] / Resursy modernizacii: vozmozhnosti i predely mezhdunarodnogo konteksta Materialy VII Konventa RAMI. 2012. S. 204-211.
27. Simonija N.A., Torkunov A.V. Novyj mirovoj porjadok: ot bipoljarnosti k mnogopoljusnosti [New World Order: from bipolarity to multipolarity] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2015. № 3. S. 27-37.
28. Smirnov A.V. Propozicija i predikacija [Proposition and predication] // Filosofskij zhurnal. 2016. T. 9. № 1. S. 5-24.
29. Smirnov A.V. Soznanie kak smyslopolaganie [Consciousness as Sense-making] // Filosofskij zhurnal. 2014. № 1 (12). S. 35-57.
30. Torkunov A.V. Sozdanie universitetov mirovogo urovnja: novye tendencii v rossijskom vysshem obrazovanii [Creating world-class universities: New Trends in Russian higher education] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 2 (29). S. 7-11.
31. Torkunov A.V. Po doroge v budushhee – 2. [On the way to the future - 2.] Moskva, 2015. izd.: Aspect Press. - 552 s.
32. Chugrov S.V. Vzaimnye obrazy Rossii i Japonii. Nadezhdy na mjagkuju silu [Reciprocal images of Russia and Japan. Hopes for soft power] // Tetradi po konservatizmu. 2015. № 5. S. 75-81.
33. Chugrov S.V. Sushhestvuet li nezapadnaja politologija? (politicheskaja teorija T. Inoguti) [Is there a non-Western political science?] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2016. № 4. S. 182-191.
34. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. Mezhkul'turnaja komunikacija v svete sovremennyh modernizacionnyh processov [Intercultural Communication in the light of contemporary modernization processes] / Mezhkul'turnaja komunikacija: sovremennaja teorija i praktika Materialy VII Konventa RAMI: Nauchnoe izdanie. Pod redakciej A.V. Shestopala, M.V. Silant'evoj; otvetstvennyj redaktor A. V. Mal'gin. 2013. S. 10-16.

About the Authors:

Margarita Veniaminovna Silantieva – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. Scientific specialization – philosophy of culture. E-mail: silvari@mail.ru.

Alexei Viktorovich Shestopal – Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation.